

А.С. Трунова*

**Роман «Сон в красном тереме»
как источник вдохновения
для современных китайских эссеистов**

АННОТАЦИЯ: В статье дана характеристика художественных особенностей эссеистической прозы современного китайского писателя Ван Мэна (род. 1934) на примере его книги «Сон в красном тереме: Записки откровения»: выделены особенности её структуры и языка, а также отличительные черты романа, которые наиболее привлекают Ван Мэна. Книга проанализирована с точки зрения жанровой принадлежности, соотнесена с понятием эссе в китайской и в западной литературе; определено её место в китайской литературе и степень интегрированности в мировую литературу.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: китайская литература, эссеистика, Сон в красном тереме.

Классический роман «Сон в красном тереме» — важная веха в истории китайской литературы, он и по сей день продолжает оказывать влияние на современный литературный процесс в Китае и, в частности, на современную эссеистику.

В западном литературоведении эссе обычно относят к художественно-публицистично-документальной литературе [2]. На уровне тематики жанр западного эссе соотносится с научной мыслью: объекты мысли практически всех областей гуманитарного научного жанра могут стать темой для эссеиста. Являясь наиболее продуктивным жанром для осмысления знаний о наиболее общих сторонах мира и человека [2], эссе приближается к риторике и философии. Эссеисты в своих произведениях всегда стремятся «донести до читателя посредством

---

* Трунова Анна Сергеевна, аспирантка Института Востоковедения РАН, Москва, Россия; E-mail: moonriver7@yandex.ru

литературы суть их послания» [3, с. 849]. Особая актуализированность эссе и соотнесённость его с настоящим моментом времени указывает на близость жанра эссе к публицистике [4].

Для обозначения произведений-эссе в китайском языке имеется несколько слов, часто используется термин *саньвэнь*. Тайваньский литературовед Дун Чунсюань употребляет для европейского эссе слово *исе* (записанная иероглифами транскрипция слова *essay*), отделяя его от того явления, которое обозначается термином *саньвэнь* [5, с. 9]. Под *саньвэнь* подразумеваются прозаические произведения, не относящиеся ни к одному из сложившихся литературных жанров, в современной филологии они составляют отдельный жанр. Тематика *саньвэнь* и её художественные особенности всегда определялись эпохой: в старом Китае она представляла собой вид высокой прозы, которая очень ценилась, но писалась на языке *вэньянь* и, следовательно, была доступна только образованной элите.

В начале XX века жанр *саньвэнь* претерпел изменения. После отказа от *вэньяня* и перехода на *байхуа* писатели находились в поиске новых форм и средств выражения, и многие стали черпать вдохновение в западной литературе [6, с. 3]. Новая китайская эссеистика сформировалась на основе следующих источников: 1) традиционные эссе-*бицзи* на языке *вэньянь*; 2) миниатюры поздней Мин; 3) проза на *байхуа*; 4) европейская эссеистика [7, с. 53–54]. Важную роль в развитии китайской эссеистики сыграл так называемый «культурный бум» — мощное интеллектуальное движение в среде китайских учёных и писателей, возникшее в 1980-х гг. и выразившееся в активных поисках новой идентичности и своих культурных корней, что находило непосредственное отражение в эссеистике. С наступлением 1990-х гг. в китайской эссеистике стало доминировать субъективное художественное начало. Эссеисты всё чаще стали обращаться к культуре и философии. Многие писатели, подобно Ван Мэну или Лю Синью, совмещают литературное творчество с исследовательской деятельностью [8, с. 385–386].

Российский читатель знает Ван Мэна¹ в основном как автора сюжетной прозы малой и крупной форм. Но много произведений его написано и в жанре эссе. Тематика некоторых связана с литературоведением, ведь круг его литературных интересов широк. Несколько литературоведческих эссе посвящены классическому роману «Сон в

---

¹ Ван Мэн. Избранное. М.: Радуга, 1988. Пер. Д. Воскресенского, В. Малявина, С. Торопцева; Ван Мэн. Следы на склоне, ведущие вверх. М.: УРСС, 2004. Пер. С. Торопцева.

красном тереме»: «Многогранно ли время» (*Шицзянь ши дочундэ ма*), «Читая „Сон в красном тереме“», «„Сон в красном тереме“: Записки откровения» (*Хунлоу цииши лу*).

Книга «„Сон в красном тереме“: Записки откровения», впервые опубликованная в 1991 году. Это наиболее объёмный труд Ван Мэна, посвящённый данному роману, в котором автор коснулся различных аспектов изучения «Сна в красном тереме».

Жанр «Записок откровения» Д.Н. Воскресенский определил как исследовательское, или «интеллектуальное» эссе [1, с. 579]. Подобные произведения — далеко не новое явление в мировой литературе. Наиболее близки по форме к работе Ван Мэна о «Сне в красном тереме» объёмные эссе-исследования Маргерит Юрсенар о Мисиме («Мисима, или Врата в пустоту») и Владимира Набокова о Гоголе («Николай Гоголь»): как отмечает Д.Н. Воскресенский, всем этим произведениям свойственны «художественная выразительность и субъективный характер, и в то же время они привлекают своей идеологической незашоренностью, свободным полётом мысли, неожиданностью суждений и парадоксальностью выводов» [1, с. 579].

Все три работы имеют общие черты: это ярко выраженная личность автора, откровенность и субъективность даваемых авторами оценок, интерес к биографии писателя и акцент на автобиографичности творчества писателя, художественная образность языка, интерес к творческому методу и манере письма. Эссе Маргерит Юрсенар интересно сопоставлениями того или иного явления в творчестве Мисимы с аналогичными явлениями в жизни и литературе Европы разных исторических периодов. Такие же интересные и порой необычные параллели характерны для стиля Ван Мэна. Таким образом, в эссе китайского писателя Ван Мэна присутствуют характерные для жанра эссе интернациональные черты, что позволяет ему вписаться в контекст мировой литературы.

В «Записках откровения» проявляются современные тенденции развития эссеистического жанра: Ван Мэн придаёт большое значение изучению художественных особенностей «Сна в красном тереме» и сравнивает классический китайский роман с произведениями мировой литературы разных эпох, рассматривая его в контексте мировой литературы. Одновременно с анализом самого романа «Сон в красном тереме» Ван Мэн рассуждает о жизни, о классической литературе и её традициях, о литературном творчестве и писательском труде.

Книга состоит из двух частей, которые названы «Тщательное чтение» (*Си дэ*) и «Условно говоря» (*Хо шо*) и двух статей-приложений. С точки зрения хронологического построения и внутренних логических

связей, можно сказать, что первая часть «Записок откровения» выстроена в форме комментариев, а вторая — в форме статей.

В первой части собраны заметки, представляющие собой озаглавленные подглавы, которые объединены в главы общей темой. Например: «Изображение реальности в романе „Сон в красном тереме“ и другие вопросы», «Встреча Баоюя и Дайюй», «Язык и композиция в романе „Сон в красном тереме“» и т.д. Это деление формально, и содержание подглав не всегда соответствует темам, заданным в названиях глав. Размер этих подглав неодинаков: от маленьких, состоящих из нескольких строк, до огромных, занимающих два-три листа.

Тем не менее в расположении материала есть определённая система: анализируя и толкуя содержание романа, автор придерживается хронологической последовательности содержания от первой к последней главе, не включая последние 40 глав (с 81 по 120) — им посвящена отдельная глава («Поговорим о последних 40 главах романа „Сон в красном тереме“»). Последняя глава «Неисчерпаемая тема — удивительная книга „Сон в красном тереме“» представляет собой общие рассуждения об особенностях романа, о принципах и методах писательского творчества. Таким образом, данная часть работы построена в виде заметок, делаемых читателем по ходу чтения романа и включающих в себя соображения автора по поводу содержания и структуры романа, а также собственные эмоции, мысли, философские рассуждения — порой довольно сложные и запутанные, — которые пробуждает у автора данное произведение.

Раздел «Условно говоря» представляет собой приведённые в логический порядок мысли, высказанные в первой части, вследствие чего здесь часто повторяются рассуждения, изложенные в разделе «Тщательное чтение». Второй раздел состоит из восьми глав, в каждой главе всесторонне раскрывается конкретная тема. Если в первой части мысли автора выглядят спонтанными и подчиняются хронологии глав в романе, то вторая часть представляет собой осмысление всего прочитанного, и выбор глав здесь подчиняется ходу мыслей автора, а не хронологии романа. Такая структура расставляет акценты и даёт возможность проследить идеи, более всего волнующие Ван Мэна.

Как литературоведа, Ван Мэна интересует, в частности, проблема временной путаницы в романе «Сон в красном тереме», которую он исследует в эссе «Многогранно ли время?», вошедшее в «Записки откровения» как одно из приложений. Повествование в романе выстроено линейно, но хронология имеет много неточностей и несоответствий. Отсутствие точной датировки сам Цао Сюэцинъ объясняет в начале произведения устами камня, с которым беседует даос Кункун: «Вовсе не трудно приукрасить рассказ упоминанием династий Хань и

Тан [...] Я предпочитаю не использовать этот приём, что уже само по себе свежо и оригинально, ведь поскольку речь идёт о событиях и делах, которые касаются лишь меня одного, то зачем нужно привязывать их к определённым годам и эпохам?» [10, с. 8].

Среди исследователей предпринимаются попытки выстроить хронологию событий и определить возраст персонажей в тот или иной момент времени, в качестве условной единицы времени принимается год повествования (первый/второй/третий и т.д. год повествования). Задача усложняется наличием нескольких вариантов рукописей, в которых даны разные сведения о возрасте персонажей, а поскольку достоверно неизвестно, какой из вариантов ближе к авторскому замыслу, выбрать верный вариант рукописи для анализа довольно трудно. Кроме того, существует много нестыковок и противоречий в разных главах внутри одной рукописи.

Исследователи считают причиной путаницы историческую обстановку, в которой творил автор: суровое преследование «вредной» литературы заставило писателя прибегнуть к эзоповой манере письма, и отсутствие дат, названий династий и имён правителей — один из способов «маскировки» [1, с. 578]. Ван Мэн высказывает своё мнение по этому вопросу, но значительную часть статьи занимает анализ художественного эффекта, производимого временной путаницей. Время в романе представляется ему не линейным, каким оно обычно бывает в художественных произведениях, а обширной бесконечной плоскостью, на которой разбросаны эпизоды. Помимо того, что это позволяло избежать проблем с цензорами, такое намеренное внесение путаницы показывает, что автору важны не эпоха, а то, что находится за пределами временных рамок — некие всеобщие и универсальные явления.

Ван Мэн отмечает у Цао Сюэциня несколько способов достижения этого эффекта. Во-первых, соотношение времени в стране Грёз и земного времени: время в стране Грёз приравнивается к пустоте или к вечности, а земная жизнь с позиций вечности рассматривается как одно неделимое мгновение. Во-вторых, многочисленные стихотворные вставки в романе содержат намёки на будущее семьи и на судьбы её членов и навевают печальные чувства. Получается, что время — не прямая линия, по которой повествование движется от прошедшего времени к настоящему и будущему. Всё уже свершилось, все судьбы предрешены, и с позиций этой определённости мы наблюдаем за тем, как свершается неизбежное. В-третьих, каждому конкретному эпизоду дано яркое и живое описание, благодаря которому данный описываемый момент становится уникальным и неповторимым, и в то же время будет существовать вечно. В-четвёртых, стихотворные вставки,

создающие мистическую мрачную атмосферу, имеют, по мнению Ван Мэна, определённое предназначение: они не дают автору и читателю увязнуть в чувственных страстях и забыть о Пустоте. Наконец, Ван Мэн обращает внимание на относительную автономность эпизодов и сюжетных линий. Он объясняет это тем, что автору важно было описать саму жизнь, и потому он не стал ограничивать себя жёсткими рамками, такими как завершенность, последовательность и чёткость причинно-следственных связей.

В заключение Ван Мэн отмечает общую тенденцию считать использование времени как художественный приём изобретением и характерной чертой эпохи постмодернизма и критикует эту тенденцию, ссылаясь на наличие такого художественного приёма ещё в классических произведениях китайской литературы.

Ван Мэна увлекают философские идеи «Сна в красном тереме», особенно философские воззрения Баоюя на жизнь и смерть. Писатель отмечает их уникальность и сопоставляет с традиционными для Китая религиозно-философскими системами: «[...] Баоюй надеется на бесследное исчезновение после смерти, что выражает ощущение абсурдности человеческой жизни. Такая позиция не имеет ничего общего с традиционными представлениями о смерти в феодальном Китае, где большое значение придавалось тому, чтобы не уйти бесследно, чтобы оставить после себя имя, титул и продолжить род» [11, с. 47–48].

Баоюя не волнует нынешняя жизнь, а жизнь загробную он и вовсе отрицает, что никакими иными причинами, кроме как безумием, в то время невозможно было объяснить. Ван Мэн обращает внимание на присутствующий в романе мотив безумия применительно к Баоюю. Взгляды на жизнь и смерть, чувства и мысли и в целом мировоззрение Баоюя, а значит и Цао Сюэциня, Ван Мэн определяет как естественные, «до-даосско-буддийские» [11, с. 199–200].

По мнению Ван Мэна, столь оригинальные философские мировоззрения принадлежат самому Цао Сюэциню, который выразил их устами Баоюя. Писатель неоднократно говорит о прямой автобиографичности образа Баоюя: «[...] Можно сказать, что сам Цао Сюэцинь — это главный, истинный Баоюй, великий Баоюй. Из всех персонажей „Сна в красном тереме“ Баоюй больше всех наделён оттенком автобиографичности [...] Молодой Цао Сюэцинь — это в значительной степени и есть прототип Цзя Баоюя» [11, с. 95]. Ван Мэн непосредственно увязывает личность автора с личностью его героя и считает Баоюя выразителем идей Цао Сюэциня, а также отождествляет образ рассказчика с образом автора: «История Камня, изложенная в романе „Сон в красном тереме“, необыкновенно красочна, что свиде-

тельствует об огромной силе авторского воображения. Однако говорит и о другом: о его [автора] чувстве ущемлённости, растерянности, стремлении к своему освобождению» [1, с. 585–586].

Идея автобиографичности и отождествление главного героя с автором является одной из давних традиций изучения «Сна в красном тереме», на определённом этапе изучения романа существовала тенденция считать его полностью автобиографическим. Стремление объяснить те или иные явления в литературных произведениях фактами из биографии писателя мы наблюдаем и в эссе европейских авторов, таких как Маргерит Юрсенар или Владимир Набоков, однако они не склонны отождествлять писателей с героями, поэтому в данном случае можно сказать, что Ван Мэн продолжает национальную традицию в изучении «Сна в красном тереме». Кроме того, он находит резонными некоторые выводы представителей направления *соинь пай* («направление поиска самой сути вещей»), чей метод исследования в своё время подвергся резкой критике со стороны литературоведов, и приводит свои доводы в пользу их версии.

Ван Мэна восхищает новаторский подход Цао Сюэциня к изображению социальных и философских проблем, свежий и оригинальный взгляд на традиционные темы. Ценность романа «Сон в красном тереме» Ван Мэн видит в том, что это первое в истории китайской прозы целиком авторское произведение, наполненное переживаниями. Внимание писателя привлекли новаторские взгляды Цао Сюэциня на социальные и философские проблемы, а также новаторство его художественных методов.

Он отмечает, что Цао Сюэцинь первым объективно изобразил духовное и плотское общение между мужчиной и женщиной, а также преодолел обычай изображать мужчину как центр всего, а женщину как игрушку мужчины. Изображение чувств между Баоюем и Дайюй представляет собой совершенно новое понимание любви в условиях феодального Китая. Их любовь изображается реалистично, и её признаки и проявления приближены к современному пониманию. Ван Мэн отмечает, что Цао Сюэцинь сочувствует этой любви, но не идеализирует её, а изображает такой, какая она есть, с муками ревности, с взаимным непониманием и обидами.

Писатель отмечает универсальность тем и литературных явлений, на которых выстроен классический роман «Сон в красном тереме». Например, печаль о том, что всё на земле преходяще и всё завершится смертью — главная черта Баоюя и его философия, определяющая его поведение и жизненные приоритеты. Эта тема, по мнению Ван Мэна, универсальна и вечна и она объединяет литературу классическую и современную, китайскую и зарубежную. Уни-

версальность Ван Мэн объясняет в главе «О Цзя Баюе» (*Гуаньюй Цзя Баюй*) раздела «Тщательное чтение». Согласно его трактовке, дело не в принадлежности того или иного литературного приёма к определённому литературному направлению, которое его и породило, а в том, что всё искусство, в том числе и литература — это порождение космоса. Они не выдуманы кем-то конкретно, а представляют собой трансцендентальное явление, которое открывается одарённому писателю в виде откровения. В данном случае Ван Мэн выступает не как учёный-литературовед, а как художник и философ.

Таким образом, в понимании Ван Мэна, «Сон в красном тереме» — во многом новаторское произведение, написанное не по традиционным литературным канонам Китая, а по неким универсальным для мировой литературы законам. Тем не менее, Ван Мэн не выдвигает роман из контекста классической китайской литературы и не отрицает, что роман принадлежит своему времени и раскрывает, только под совершенно новым углом, быт и проблемы традиционного общества. Этот синтез традиционного и новаторского в романе «Сон в красном тереме» и привлекает Ван Мэна.

Наряду с устоявшимися научными литературоведческими терминами Ван Мэн использует образный язык, придающий «Запискам откровения» эмоциональную окраску: восклицательные предложения, риторические вопросы и междометия, обращения во втором лице к автору анализируемого произведения или его героям. Ван Мэн постоянно использует образные обороты, фразеологизмы, просторечные выражения, оригинальные сравнения и метафоры, прибегает к параллельным конструкциям и повторам. Эмоциональность свойственна традиционным комментариям в старых комментированных изданиях, где эмоциональные оценки давались не только художественным методам писателя, но и действиям персонажей.

Ван Мэн часто использует обороты из *вэньяня*, а также цитирует зарубежных и китайских поэтов и писателей, как классических, так и современных, вставляет стихи, в том числе собственного сочинения. Обычай помещать в текст стихи (часто сочинённые самим комментатором) или пришедшие на ум небольшие истории, иллюстрирующие комментарий и помогающие раскрыть смысл комментируемого фрагмента, появился ещё в XIX веке [12]. Таким образом, эссе Ван Мэна выглядит как своего рода стилизация под комментаторов Старого Китая. Помимо традиционных художественных средств, Ван Мэн для иллюстрации своих мыслей прибегает к такому необычному для литературоведов приёму, как математические и логические формулы.

Эссе Ван Мэна носят художественно-эстетический характер, и самим названием «Записки откровения» автор предупреждает читателя, что данное произведение представляет собой «откровения», то есть то, что пережил и прочувствовал современный писатель, читатель и поклонник романа «Сон в красном тереме», читая его. Именно поэтому Ван Мэн осторожно сопоставляет свои наблюдения с мнением учёных, не относя себя к таковым, либо просто высказывает неуверенность в собственной догадке, таким образом снимая с себя ответственность за свои предположения: «Итак, утеряны ли последние сорок глав или они вовсе не были закончены? А может быть, Цао Сюэцинь и не собирался их дописывать? Не знаю, что об этом думают историки и исследователи. Как читатель и писатель, я более склонен к последнему варианту» [11, с. 111].

Использование церемонно-вежливых выражений с оттенком самоуничижения также помогает автору акцентировать внимание на том, что он пишет не научный труд, а выступает в качестве читателя, который делится своими впечатлениями: «По моему скромному мнению, симулировать безумие — это тоже своего рода безумие» [11, с. 101].

Ван Мэн практически не ссылается на других исследователей, он строит свою, оригинальную теорию. Тем не менее, редкие ссылки на научные издания, а также упоминания учёных и существующих теорий в изучении «Сна в красном тереме» говорят о том, что он хорошо знаком с историей изучения романа и с работами исследователей. Он опровергает их или соглашается с их мнением, выражает сомнения в верности общепринятых мнений и одновременно выдвигает свои предположения, основанные на собственном анализе содержания произведения и на своих впечатлениях и ощущениях. Так, он выражает сомнение в том, что «Сон в красном тереме» написан на пекинском диалекте, и считает, что язык, на котором написан роман, ближе к тяньцзиньскому говору и к диалекту провинции Хэбэй, и приводит лексические доказательства.

Ван Мэн рассматривает роман с точки зрения его места в системе мировой литературы, использует для анализа китайского классического произведения изобретения XX века, такие, как психоанализ Фрейда. В то же время он изучает «Сон в красном тереме» неотрывно от контекста традиционной китайской культуры и феодального общества, в эпоху которого он был создан: Ван Мэн пишет о проблеме брака, о китайском ритуале и о двуличности как национальной черте китайцев, порождённой привычкой жёстко соблюдать ритуал, о религии и её месте в феодальном обществе — обо всех тех проблемах, которые Цао Сюэцинь затронул в своём произведении.

В характере повествования писатель находит современные черты: «Описание жизни с позиций смерти, описание земных человеческих дел посредством мистики, описание страстной любви через потери и предательства [...] Всё это не имеет ничего общего ни с классицизмом, ни с романтизмом, здесь есть скорее что-то от модернизма» [11, с. 52].

Автор находит явления, сходные с «Сном в красном тереме», и в своём собственном творчестве, при этом отрицая влияние этого романа на создание собственных произведений: «Не знаю, имеет ли это отношение к так называемому психоанализу. Вспоминая мои ранние произведения „Да здравствует юность!“ и „Новичок в орготделе“, я обнаружил, что в обоих произведениях есть психологические описания переживаний молодых людей по поводу свадоб других героев. [...] Это и впрямь интересный пример. Когда я писал тех персонажей, я делал это отнюдь не под влиянием Баоюя» [11, с. 193].

Интересно, что реалии, изображаемые Цао Сюэцинем, Ван Мэн примеряет к современному контексту, проводя иногда довольно неожиданные параллели с современной реальностью, с политическими и социальными явлениями XX–XXI вв. Неоднократно встречаются параллели с темой Культурной революции и трудового перевоспитания. Давая оценку сложному характеру Баоюя, Ван Мэн с долей сарказма отмечает, что трудовое перевоспитание в деревне выбило бы из него «самодурство».

Образ лишнего камня, оставшегося не у дел после переплавки, вызывает у писателя ассоциации с нелёгкой судьбой художника: «Увы! Такова трагедия талантливых литераторов Китая древности, не нашедших применения в жизни и потому разочарованных [...] Слово „переплавка“ в данном месте обращает нас как к прошлому, так и настоящему [...] Камень, хотя и пережил падения, но он осознал свою миссию, так как он стал „одухотворённой вещью“, хотя и „не имеющей практической пользы“. Да, действительно, это состояние той духовной трагедии, которую пришлось пережить китайским литераторам за долгие века истории» [1, с. 585–586].

Сам Ван Мэн, будучи почитателем мировой литературы, в процессе творчества каждый художественный приём европейской литературы старается основательно «переварить» и впитать в себя, стараясь, как можно органичнее его использовать в прозе на родном языке. В то же время он говорит о важности сохранения национального духа в искусстве: «Культурное разнообразие обогащает и расцветивает мир, придаёт нации достоинство и даже консолидирует государство [...] Самосознание культуры, самоуважение культуры и осознание ею своего достоинства может стабилизировать нас в про-

цессе экономической глобализации [...] Литература и искусство имеют особо важное значение для формирования национального духа» [13, с. 48]. Таким гармоничным сочетанием ценен для писателя роман «Сон в красном тереме».

Итак, эссе Ван Мэна «„Сон в красном тереме“: Записки откровения» объединяет характерные черты европейской эссеистики и традиционной китайской комментаторской традиции. В процессе исследования романа писатель определяет его место в контексте мировой литературы и выявляет как межкультурные, универсальные принципы литературного творчества, так и национальную специфику. Ван Мэн анализирует феодальные традиции с точки зрения современного человека и рассуждает о литературе Китая и о литературе как одном из явлений искусства с точки зрения современного писателя. Такой подход сближает книгу Ван Мэна с западным эссе. Связь же с китайской традицией в «Записках откровения» проявляется через форму этого эссе, с точки зрения языка его работа представляет собой стилизацию под комментаторов Старого Китая.

Литература

1. *Воскресенский Д.Н.* Литературный мир средневекового Китая. М., 2006.
2. *Лямзина Т.Ю.* Жанр эссе (К проблеме формирования теории) // URL: http://psujourn.narod.ru/lib/liamzina_essay.htm
3. XX siècle: Les grands auteurs français: anthologie et histoire littéraire. Paris, 1988.
4. *Drury Donald.* Varieties of the essay. Traditional and modern. Belmont, 1968.
5. *Dong Chongxuan.* Xiyang wenxuede mianmao (Характеристика европейской литературы). Taipei, 1984.
6. *Yu Yuanguai.* Zhongguo xiandai sanwen lilun (Теория современной китайской эссеистики). Guangxi, 1984.
7. *Yang Mu.* Zhongguo jindai sanwen (Современная китайская эссеистика). Taipei, 1984.
8. *Хузиятова Н.К., Плясенко Н.А.* Современная китайская эссеистика как поиск идентичности и «русский» Харбин Чжан Канкан // Материалы VI конференции «Проблемы литератур Дальнего Востока». СПб, 26–28 июня 2014. Т. 1.
9. *Воскресенский Д.Н.* Дорога литературных исканий // Китайские метаморфозы. М., 2007.
10. *Sao Xueqin.* Honglou meng (Сон в красном тереме). Beijing, 2008.
11. *Wang Meng.* Honglou qishi lu («Сон в красном тереме»: Записки откровения). Guiyang, 2012.
12. *Гао Хайюн.* Трагические мотивы в романе «Сон в красном тереме». Кандидатская диссертация. М.: ИВ РАН, 2001.

13. Ван Мэн. Волна глобализации и строительство культурной державы (пер. с кит. С.А. Торопцева) // Проблемы Дальнего Востока. 2004, № 2.

A.S. Trunova*

**“Dream of the red chamber” as a source of inspiration
for Chinese modern essay-writers**

ABSTRACT: Wang Meng (born in 1934) is one of the most famous writers in Chinese modern literature. The article reveals the particular features of Wang Meng’s essayistic prose by the example of his book “Dream of the Red Chamber: Notes of Revelation”, first published in 1991. The article highlights the particularities of the structure and language of Wang Meng’s book, as well as the distinctive features of the classical novel “Dream of the Red Chamber” which attracts Wang Meng both as a writer and as a scholar-critic. The book “Dream of the Red Chamber: Notes of Revelation” is analyzed from the point of view of genre as well as from the point of view of the notion “essays” in Chinese and Western literature. The article defines the place of Wang Meng’s work in the system of Chinese literature and the degree of its integration into the world literature.

KEYWORDS: Chinese literature, essayistic, Dream of the Red Chamber.

* Trunova Anna Sergeyevna, postgraduate student, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); E-mail: moonriver7@yandex.ru